

## О принципиальной вариативности философского знания

Елена Всеволодовна Золотухина-Аболина

*Доктор философских наук, профессор*

*Южный федеральный университет*

*elena\_zolotuhina@mail.ru*

*Аннотация: Статья посвящена проблеме возможности единой истины в философии. Автор полагает, что «единая истина» не присуща философскому знанию и философия не должна пытаться в этом вопросе уподобиться науке, стремящейся к «единой объективной истине». Философия принципиально вариативна, потому что, с одной стороны, обращена к субъективности и интересубъективности, а с другой – выходит в своих суждениях за рамки эмпирической реальности и размышляет о «материях» не наблюдаемых и не доказуемых в пределах эмпирического мира: эксперимент как метод удостоверения истины здесь невозможен. Кроме того, знание в философии не кумулятивно, а рождается в диалоге, где каждый крупный мыслитель предлагает свое видение метафизических и прочих философских вопросов. Философия метафорически квалифицируется автором как цветник или созвездие «истин», которые ведут между собой диалог, и потому философия ближе не к науке, а к искусству, где каждый автор выражает себя. Философское творчество – это умозрительное творчество, глубоко связанное с той точкой зрения, на которой стоит мыслитель. Далее в статье речь идет о тех факторах, которые влияют на создание «личной философии», вырастающей из точки зрения. Это одновременно условия создания «личной философии» и моменты фактически обнаруживаемые в текстах. К ним автор статьи относит: мировоззрение и мироощущение философа, «главную тему» его философского поиска и факторы личной биографии, получающие отражение в творчестве.*

*Ключевые слова: философия, метафилософия, наука, искусство, истина, диалог, субъективное, интересубъективное, вариативность философского знания.*

## On the Fundamental Variability of Philosophy As a Kind of Knowledge

Elena V. Zolotukhina-Abolina

*Ph.D., Full Professor, Southern Federal University*

*elena\_zolotuhina@mail.ru*

*Summary: The paper deals with the question, if it is possible to attain the one universally acceptable truth in philosophy. According to its main idea, "the sole truth" is in no way to discover inside the problematical field of philosophy. Philosophy could not strive for "the one objective truth" of natural sciences. Philosophy disposes fundamental variability, because it relates to (inter)subjectivity as well as transcends limits of empirical reality; the latter makes any checking experiment impossible. Moreover, philosophical knowledge is not cumulative, while it is shaped during the dialogue between different convictions and worldviews. The author describes philosophy as a colourful diversity or constellation of "truths", which appeal one to another. Hence, philosophy is closer to art, in verbal form expressing one's particular personal Weltanschauung. The author describes by means of which factors a point of view could transform in a whole personal philosophy, among them facts of biography, focus of interest, personal experience, etc.*

*Key words: philosophy, metaphilosophy, natural sciences, art, truth, dialogue, (inter)subjectivity, variability of philosophy.*

Метафилософия, о которой пойдет речь в этой статье – это рефлексия философии о себе самой, постоянно возобновляемая попытка понять, что такое философия как вид знания, как состояние души, как образ жизни. Уж такая у нее судьба, у философии, что, начиная со времен своего появления, она постоянно провоцирует своих носителей-философов на размышление о том, чем они занимаются и чем их видение отличаются от других способов понимать и оценивать мир. Я, как автор статьи, могу сослаться на то, что занималась этой проблемой еще в 1980 году [1], и все последующие сорок лет регулярно обращаюсь к сюжету специфики философии, ибо вопрос о своеобразном духовном лице философии и ее границах постоянно становится вновь и вновь. **Задача** настоящей статьи, предлагаемой читателю, состоит в том, чтобы показать принципиальную *вариативность* философского знания, его неустранимую неоднозначность, что, несомненно, ставит вопрос о философии и *истине*.

### **Философия как диалог мнений**

Разумеется, в XX веке понятие истины было очень сильно скомпрометировано, о чем, в частности, мы можем прочесть в таком справочном издании как Новейший философский словарь [2, с. 446-447]. Под истиной стали понимать соответствие не только объективной реальности (корреспондентская теория) или онтологическим трансцендентным образцам (принцип когеренции), но также ценностям, психическим состояниям, метаязыку и т.д. Вспомним также, что даже в науке возобладала идея об экспертном мнении, которое сегодня мы считаем за истинное, а завтра, быть может, и вовсе считать не будем. И все же всякий раз, когда речь заходит об истине, первая же реакция размышляющего – реакция на слово «истина» как на отсылку к чему-то *несомненному* – к тому, что от всех нас не зависит, и одновременно – к общезначимому, чрезвычайно важному. Поэтому так велика тяга сравнивать философию с наукой, которую считают, - при всех ее гипотезах и поисках, – цитаделью объективной общезначимой истины. В силу этого не только у человека, живущего обыденной жизнью, но также у ученого, химика или физика, вызывает удивление и неприятие философская *разногласица*, тем более, что позиции авторов нередко отстаиваются с пеной у рта. «Как это возможно – спрашивают представители естественных наук, - разделять совершенно разные представления и о мире, и о человеке? Вы что – всерьез?».

Философия, понятая как некая несовершенная аналогия научного знания, стыдливо косящая в сторону теологии, рассматривается порой и у крупных мыслителей. Например, Бертран Рассел пишет: «Философия, как я буду понимать это слово, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. Все определенное знание, по моему мнению, принадлежит к науке; все догмы, поскольку они выходят за пределы определенного знания, принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничейная Земля, открытая для атак с обеих сторон; эта Ничейная Земля и есть философия» [3, с. 19].

Однако, на мой взгляд, философское видение мира, которое включает в себя *учет субъективности* и потому является глубоко антропологичным, ближе не к науке, стремящейся видеть мир сам по себе (помимо человека), и не к теологии, стоящей на фундаменте веры, а к *искусству*. Недаром в западных университетах философию включают в область humanities или liberal arts. Говоря на языке теории, пользуясь понятиями, категориями, концептами, философия, тем не менее все время исследует области

*субъективные, интерсубъективные и трансцендентные*, она вырывается за пределы повседневности и эмпирии, повторяемости и проверяемости, блуждает во внутреннем мире и силится внятно рассказывать о несказуемом. Поэтому *истина* в ней *субъективна и интерсубъективна* – вырастает из личного опыта и получает удостоверение в согласии.

Философия по определению *маргинальна*, она все время «гуляет» на границе сфер – между «осязаемым» и «не осязаемым». Другой вопрос, что при этом она желает выглядеть доказательной и фундаментальной, хотя впадает по ходу дела в крайности, проецируя частные мнения на всю вселенную и высекая искры в дискуссиях, у которых нет конца и разрешения. Философия – это беспокойство, это фантазия и греза, одетая в логические доспехи, это жажда вырваться к «иным пределам бытия», обосновывающая свой взлет рациональными аргументами. Философия близка к искусству, так как подобно искусству, которое есть стремление к прекрасному, философия – это *любовь к мудрости*, но вовсе не сама мудрость. Она все же «царство *мнений*», где каждый стремится и мнит, что он близко, что он на подступах к самому главному, что еще шаг и... Однако полного согласия не наступает.

Платон, Аристотель, философы-рационалисты Нового времени полагали, что истина дается в роде «интеллектуальной интуиции», постигающей суть вещей, способной «созерцать истину», а частные позиции – лишь мнение. «В отличие от знающего, - пишет В.Ф. Асмус, - обладатель мнения любит прекрасные цвета, образы, звуки, но его ум бессилён видеть и любить природу самого прекрасного. Мнение не есть незнание, но оно не есть и знание: оно темнее знания и яснее незнания (Платон, Государство, V, 478 С). Так, о тех, кто усматривает многое справедливое, но самого справедливого не видит, правильно будет сказать, что они обо всем мнят, но не знают того, о чем имеют мнение» [4, с. 75]. Однако историко-культурный опыт показывает, что многие из «созерцающих истину» не сходятся в суждении об этой истине, их «истина» оказывается все же *партикулярной*, может быть, потому что их не посетила откровение или потому, что их личная интуиция не поднялась до уровня истока бытия. Да, как это ни прискорбно, философия – это область *мнений*, хотя нередко ярких, глубоких, указывающих нам путь к той *предполагаемой* единой метафизической истине, которая всегда отодвигается как линия горизонта.

История философии демонстрирует нам, что истина в философии не может быть абсолютной и для всех единой, так же как и не может быть результатом присущей науке кумулятивности, скрупулезного накопления знаний: она не вырастает как пирамида, где одни стоят на плечах других. «Любовь к мудрости» скорее похожа на богатый цветник, где расцветают самые разные цветы, и не просто расцветают, а непрерывно переговариваются между собой без различия столетий и географических расстояний, потому здесь так важна история философии, которая как раз наука, потому что изучает этот огромный интеллектуальный цветник. «Философская истина» складывается из совокупности *мнений*, из выработанных и предпочтенных *мировоззренческих позиций*, каждая из которых является *особым миром*. Хорошо пишет об этом К. Ясперс: «Как и произведение искусства, философское учение закругленно замыкается в некий мир в конкретности отдельной. Наглядно предстающей нашим глазам формации, видении его творца, трудившегося над этим целым, как над произведением искусства» [5, с. 368].

Именно поэтому «*философская истина*» - это *множественность истин*, это созвездие, где одна звезда не похожа на другую, но вместе они являют собой узор, претендующий на некое отдаленное отражение «подлинности», хотя это отражение, идущее из глубин многих умов и душ, всегда лишь вечное стремление и вечное приближение к искомому. Можно даже сказать еще более определенно, что истина здесь не отражается, а *созидается самим диалогом*, который должен постоянно возобновляться. И даже если речь идет о запредельном, это все равно диалог *посюсторонний*, потому что

все философы – не духи и не ангелы, а все же земные люди, толкующие об ориентирах земной жизни, даже если у них иногда случаются озарения.

#### *Умозрение и «точка зрения»*

Главным философским методом выступает *умозрение*. И в этом она тоже сродни искусству, хотя зрит не в художественных образах, а понятийно. Впрочем, это не мешает ей быть столь же метафоричной, как искусство. Умозрение как метод философского постижения мира отмечалось не только рационалистами, но и интуитивистами. Так Н.О. Лосский пишет: «Для краткости будем обозначать иногда все виды нечувственной интуиции словом умозрение. Таким образом этот термин будет означать, во-первых, чистую интеллектуальную интуицию, во-вторых, те случаи интеллектуальной интуиции, когда к ней присоединяется чувственное восприятие, но лишь как подчиненный момент, и в-третьих их мистическую интуицию. Философия, будучи наукой о мире как целом и о всяком предмете, поскольку он исследуется в отношении к мировому целому, шагу не может ступить без умозрения, потому что всякая связность и целостность есть предмет нечувственного созерцания» [6]. Слово «идеация», которое, в частности, фигурирует у М. Шелера [7], также означает прямое интеллектуальное усмотрение некий универсальных характеристик действительности на одном единственном примере. Философия, таким образом, так же как и математика, надэмпирична: чтобы делать свои заключения она не предполагает долгого экспериментирования, многократных проверок, сопоставления условий и позиций, регулярной повторяемости. Как и математика, она работает с «идеальными объектами» с той разницей, что в математике речь идет о количественных и топологических характеристиках, о «внесубъектных универсалиях», а философия имеет дело с качествами, да еще и с качествами субъективности, интересубъективности и «переживаниями трансцендентного»!

Действительно, эмпирическая проверка невозможна ни в случае размышлений о внутреннем мире. ни в случае мистического опыта, нередко подстилающего выводы религиозной и эзотерической философии, ни даже в ситуации философии социальной – так называемый «социальный эксперимент» - это уже часть исторического процесса. Любая попытка экспериментирования с субъективностью и интересубъективностью существенно меняют сам «объект» экспериментирования, вот почему всегда выходит – «шел в комнату, попал в другую». Но именно в силу умозрительного характера философии позиции философов-субъектов оказываются различны: разные умы зрят по-разному, и при всех совпадениях картина реальности, как внешней, так и внутренней. оказывается различной. Философы «зрят умом» сообразно своим интересам, личному опыту, сложившимся предпочтениям и тем «вызовам времени», которые очевидны для каждого из них. Именно поэтому, если речь идет о крупных фигурах и оригинальных концепциях, общими для них может быть лишь знание предшествующей истории философии. Отсюда невозможность, чтобы «один философ принимал экзамен у учеников другого»: как было шутливо замечено в социальных сетях, представьте, что Ж.-П.Сартр принимает экзамен по философии у учеников Витгенштейна! Можно добавить, пренебрегая временным расстоянием: а Гегель - у учеников Деррида!

Каждый философ - это *точка зрения на мир*, особая позиция, находясь в которой, автор созерцает и переживает внешнее и внутреннее, из нее он творит свои произведения, вступает в диалог с другими мыслителями, спорит с ними, опровергает их или же, напротив, приходит к единству видения. И философская истина, таким образом, это картина, написанная многими – как ушедшими, так и ныне живущими людьми, и каждый вносит в эту картину свои краски. В свое время Ортега-и-Гассет писал: «Каждая жизнь есть точка зрения на вселенную. Строго говоря, каждый видит то, что видит она и не может увидеть другая. Каждый индивид – человек, народ, эпоха – есть незаменимый орган постижения истины. Вот почему наличная истина, сама по себе чуждая историческим переменам,

*обретает жизненное измерение»* [8, с. 47]. И далее Ортега говорит, что не может быть истины, видимой с «никакого места», и что истина – это сумма индивидуальных перспектив. Даже «точка зрения Бога» – это тоже «точка зрения», но это точка зрения «каждого из нас». Невольно вспоминается рассказ Х.-Л. Борхеса «Алеф», где речь как раз идет об Алефе как взгляде Бога, который видит глазами всех вещей. Но философы в большинстве своем не мистики, да к тому же им не по силам «видеть глазами Бога», они лишь стремятся к этому сверхобычному зрению-умозрению, они в вечном пути к такому состоянию, поэтому их произведения, идеи, озарения должны как ручейки сбегаться в единое русло истории философии – открытого интеллектуального процесса.

### **Что влияет на облик «личной философии»?**

Итак, философии разных философов – это разные «личные вселенные», разные версии мира. Из чего же складываются эти версии? Подчеркнем, что перечисляемые нами факторы выступают одновременно и как некие условия философского творчества, и как те моменты, которые мы фактически обнаруживаем «внутри» уже созданных философских произведений. Их трудно аналитически выделить в чистом виде, поскольку в жизни они переплетаются между собой.

Первый и важный момент – это, собственно, особенности *мировоззрения* и *мировосприятия* философа. Различные *мировоззренческие* позиции мы встречаем уже в древней Индии. Речь идет об идеализме как предпослании эмпирическому миру трансцендентной реальности, о материализме как сведении всей жизни к сугубо эмпирической, о скептицизме как уклонении от окончательной позиции по вопросу о том, есть что-либо за пределами обыденной реальности. Нередко в истории культуры мировоззренческую позицию диктует философам господствующая религия или же, как это было в XX веке, модный атеизм. Тем не менее, каждый автор все же вырабатывает свою позицию, основанную на собственной уникальной интуиции, наличии либо отсутствии духовного опыта и склонности сомневаться. В относительно либеральном современном мире представлены самые разные мировоззренческие версии, и лидерство, предположим, скептического постмодернистского взгляда вовсе не отменяет наличия религиозной или эзотерической философии, также как материализма марксистского толка. Каждый автор вносит свой вклад в токование истоков и строения мироздания, хотя, разумеется, им не возбраняется объединяться по взглядам и находить единомышленников, чьим мнением можно подкреплять свое собственное. Здесь всегда образуются лидеры, руководители школ, которые служат авторитетом для других сторонников конкретной мировоззренческой версии. Крупные имена в истории философии – имена мировоззренческих лидеров (Платон, Кант, Гегель, Маркс и т.д.)

Каждый автор, строя свою философскую вселенную, одновременно вольно-неволью дает ее оценку и предлагает систему ценностей, которые отстраиваются в абсолютном большинстве случаев не только от традиции и унаследованных взглядов, но и от собственного *способа воспринимать мир*. Так есть философы пессимисты (Шопенгауэр) и оптимисты (Лейбниц), те, что любят людей и считают человеческую природу благой (Э. Фромм, А. Маслоу) или же, напротив, полагают ее греховной, грязной, трагической (многие христианские авторы). Точно также можно говорить о «философах крайностей» (которых большинство) и «философах меры», стремящихся найти золотую середину (например, Аристотель). Понятно, что оценки и ценности, утверждаемые философами, в немалой степени вырастают из их собственной эмоциональности, из личного способа реагирования, хотя есть и «универсальные философские эмоции», на пример удивление [9].

Второй важный момент, создающий особую вселенную философа, его «личный вариант мира», собственную интерпретацию, это та тематика, которая выходит для него на первый план. Конечно, у многих авторов, к примеру, у Канта, мы можем найти и гносеологию, и этику, и высказывания по целому ряду самых разных вопросов. Именно это

дает возможность историкам философии аналитически расщеплять учения философских собратьев, выделяя то одну, то другую проблематику. И все-таки можно указать на выдающихся персон, одни из которых в большей степени «онтологи», другие «гносеологи», третьи – «философы нравов», четвертые – «певцы свободы» и т.п. Речь идет не просто о формальном разделении на различные разделы философского поиска, а о *центральной теме* философа, его интеллектуальной и духовной жизни. Так, например, для Платона ведущая тема – мир идей, для Канта – возможность быть моральными в повседневном мире, для Сартра и Бердяева – тема свободы, для Хайдеггера – это Бытие и связь человека с ним, для Маркса – революционная динамика исторического процесса. Все выдающиеся мыслители имеют «главную тему», через которую для них преломляется реальность, это насущная проблема, животрепещущий вопрос, проходящий красной нитью через все их, порой весьма обширное творчество. Почти о любом выдающемся мыслителе можно сказать как об удаче из советского мультфильма, что «у него есть мысль, и он ее думает».

Вот это «думание своей мысли», упорное, неотступное, последовательное и создает особый, неповторимый философский мир конкретного автора. Философский пафос, отданный определенной теме, делает этот мир привлекательным для других людей – читателей, слушателей, которые как бы попадают на одну волну с мыслителем, отзываются на его мысли и чувства, находят его мировосприятие и миропереживание близким для себя. Их умозрение пробуждается и настраивается так же, как умозрение выдающегося философа, отзывается ему эхом, звучит в унисон. Именно так философ обретает читателей, слушателей, последователей – почти так же, как художник: далеко не всегда путем логических доказательств и эмпирических примеров, а, скорее, путем *созвучия внутреннего и внешнего опыта*, улавливания общего интеллектуального и эмоционального настроения, совпадения интересов в отношении поднятой проблемы. Читателям нравится думать над той же проблемой, над которой размышляет интересный автор, они усматривают эту проблему как близкую себе, ученики развивают поднятую тему, несогласные вступают в спор, но «личный философский космос» неординарного автора все равно волнует их, даже если вызывает несогласие. Так плетется кружево «философских миров», тяготеющих к универсальной истине, но никогда ее не достигающих.

Третий момент, который создает уникальную «личную философию», это *биография автора* со всеми ее неповторимыми моментами. Конечно, и выбор мировоззрения, и «главная дума жизни» тоже связаны с биографией, они составляют ее духовный пласт, однако они могут быть инициированы и наличной культурной обстановкой, и обучением, общим для целой плеяды ровесников, представителей одного поколения или же, напротив, разновозрастных сторонников одной и той же школы. Даже определенная «мода на идеи» порой оказывает влияние на выбор «основной поисковой линии». Но конкретные интеллектуальные сюжеты, в которых раскрывается главная тема «личного философского космоса», все же *производны от перипетий индивидуальной судьбы* с ее мелкими деталями, частными поворотами и неожиданностями. Здесь и впечатления детства, и травмы вместе с болезнями, и влияние первой любви, и те разочарования и потрясения, которые переживал и переживает человек. Особенно велико значение этих биографических впечатлений у экзистенциальных авторов, у тех, кто пишет о человеке и его душе. Понятно, что чисто гносеологическая проблематика более удалена от слез детства или радостей юности, чего, однако, не скажешь об остросоциальной тематике и даже об онтологии: все-таки разного рода полумистические озарения и невольные «трипы» в область Духа гораздо более располагают людей к идеалистическому прочтению онтологии, нежели к приземленному материализму.

Биография способна, таким образом, указывать нам и на генеральный путь автора, и на всю совокупность его конкретных, порой даже ситуативных идей и заключений. Этот момент вполне очевиден на примере автобиографической повести Ж.-П. Сартра «Слова»

[10]. И интерес Сартра к созданию «экзистенциального психоанализа», и проходящая через его творчество тема подозрительности показаны здесь как происходящие из детских впечатлений: отсутствие отца, демонстративность родни, страх перед смертью, фантазии о собственном величии, недовольство своей внешностью. Все эти темы потом становятся темами размышлений в «Бытии и Ничто», а наработанный годами философский метод оборачивается автором против своего детства и семьи: это метод разоблачения. Хотя, полагаю, в любящем мальчика семействе, скорее всего, все было не так лживо и фальшиво, как говорит об этом выросший Жан-Поль. Но именно так он чувствовал, и эти чувства вылились в долгий концептуальный поиск и ригористические установки взрослости.

Другим ярким примером выступает Н. Бердяев, личной биографической особенностью которого являлась его высокая эмоциональность. Специалист по Бердяеву С.А. Титаренко пишет об этом: «Бердяев унаследовал эмоциональную неуравновешенность своих предков по отцовской линии, что было чревато возможностью перерастания в патологию. Это приводило его к крайней возбудимости, невозможности контролировать свои эмоции. ...Орудием борьбы с эмоциональной стихией выступал поиск смысла, реализуемый философией. По сути дела, Бердяев сублимировал свою бурную эмоциональность в философское творчество и там пытался ее подавить. ...Его экзистенциальность есть мировоззренчески выраженная эмоциональность. Следовательно, экзистенциальный характер философствования, только намеченный в раннем творчестве, впоследствии занял доминирующие позиции» [11]. Действительно, страстные и бурные тексты Бердяева – результат его природного темперамента, психологической борьбы за ясность разума, а пафос его произведений – не только следствие веры или безверия, большей или меньшей политической ангажированности, но результат именно этой его биографической особенности. Причем важно подчеркнуть, что драматизм мировосприятия, присущий характеру Бердяева, придает его текстам тот налет трагического, который отсутствует в работах не менее эмоционального автора Н.О. Лосского, которому, видимо, в детстве не снились те кошмары, которые преследовали Николая Александровича.

Так или иначе, условия детства, каждое внутренне значимое событие и каждая особенность характера, темперамента, всякая подлинно важная личная встреча становятся и материалом, и составной оригинального философствования.

#### ***Краткие выводы:***

Итак, философия неизбежно вариативна, ее версии составляют в совокупности большой интеллектуальный калейдоскоп, который с течением времени предлагает нам разные узоры, изменчивые с каждой новой эпохой. И эти узоры – всегда лишь прикидки, наброски, приближения к Истине с большой буквы, если мы вообще признаем наличие таковой. В противном случае, это многокрасочная картина человеческих взглядов и моделей реальности, выражающая, как и произведения художников, субъективные и интересубъективные страхи, чаяния и надежды, одушевляющие мир и позволяющие находить в нем смысл и путь.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золотухина Е. В. Философия как теоретическое самосознание: дис. кан. философ. наук: 09.00.01. Ростов-на-Дону. 1980. 179 с.
2. Можейко М.А. Истина // Новейший философский словарь. Минск. 2001. С. 446-447.
3. Рассел Б. История западной философии. В 3 кн. Новосибирск. 2007. 992 с.
4. Асмус В.Ф. Платон. М. 1975. 220 с.
5. Ясперс К. Философия. Кн. 1. Философское ориентирование в мире. М. 2012. 384 с.
6. Лосский Н.О. Умозрение как метод философии // Международный ежегодник по философии культуры «Логос». 1925. Книга I. С. 42-43.

7. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М. 1988. С. 31-95.
8. Ортега-и-Гассет Х. Тема нашего времени // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М. 1991. С. 47, 51-191.
9. Тюгашев Е.А. Чувственно-эмоциональные истоки философии // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 2. С. 161-170.
10. Сартр Ж.-П. Слова. М. 1966. 175 с.
11. Титаренко С.А. Психологические особенности личности Н. Бердяева и истоки его мировоззрения // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Філософія. Психологія. Педагогіка. 2006. № 2. [Электронный ресурс]. URL: [http://novyn.kpi.ua/2006-2/08\\_Titarenko.pdf](http://novyn.kpi.ua/2006-2/08_Titarenko.pdf) (дата обращения: 15.07.2020).

#### REFERENCES

1. Zolotukhina E.V. Filosofiya kak teoreticheskoe samosoznanie: dis. kan. filosof. nauk: 09.00.01. Rostov-na-Donu. 1980. 179 s. (In Russian)
2. Mozhejko M.A. Istina // Novejshij filosofskij slovar' Minsk. 2001. S. 446-447. (In Russian)
3. Rassel B. Istoriya zapadnoj filosofii. V 3 kn. Novosibirsk. 2007. 992 s. (In Russian)
4. Asmus V. F. Platon. M. 1975. 220 s. (In Russian)
5. Yaspers K. Filosofiya Kn. 1 Filosofskoe orientirovanie v mire. M. 2012. 384 s. (In Russian)
6. Losskij N.O. Umozrenie kak metod filosofii // Mezhdunarodnyj ezhegodnik po filosofii kul'tury «Logos». 1925. Kniga I. S. 42-43. (In Russian)
7. Sheler M. Polozhenie cheloveka v kosmose // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii. M. 1988. S. 31-95. (In Russian)
8. Ortega-i-Gasset H. Tema nashego vremeni // Ortega-i-Gasset H. Chto takoe filosofiya? M. 1991. S. 47, 51-191. (In Russian)
9. Tyugashev E.A. Chuvstvenno-emocional'nye istoki filosofii // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal. 2016. T.5. №2. S. 161-170. (In Russian)
10. Sartr Zh.-P. Slova. M. 1966. 175 s. (In Russian)
11. Titarenko S.A. Psihologicheskie osobennosti lichnosti N. Berdyaeva i istoki ego mirovozzreniya // Visnik Nacional'nogo tekhnichnogo universitetu Ukraini «Kiïvs'kij politekhnichnij institut». Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika. 2006. № 2. [Electronic resource]. URL: [http://novyn.kpi.ua/2006-2/08\\_Titarenko.pdf](http://novyn.kpi.ua/2006-2/08_Titarenko.pdf) (data: 25.06.2020). (In Russian)